

Живо преданье старины глубокой Король Матяш в фольклоре подкарпатских русинов

ИГОРЬ КЕРЧА

Society “Znannya”, Rusyn Scientific-Educational Society
88000 Uzhgorod, Narodna square 4, Ukraine
E-mail: kercsa@mail.uzhgorod.ua

Abstract: The subject of the work is King Matthias Corvinus' (1440–1458–1490) figure in the folklore of the Subcarpathian Rusyns as well as the other Slav nations of the historic Hungarian kingdom.

This folklore has been distinctly divided into two groups: in the South Slavs' folklore the genre of historical epos prevails with its subject matter being mainly heroic fighting against the Turks, while this is absent in the Slovak and Rusyn folklore. In the Slovak and Rusyn folklore, as well as in the Hungarian, King Matthias appears first of all as a protector of the common people against their masters' self-will, as a fair and wise king, bringing the country to well-being. In the Rusyn folklore King Matthias and his military leader Pál Kinizsi are being nationalised. They appear as Rusyns; the tales of King Matthias teem with local toponyms and often reflect real historic events and facts. In this way people unintentionally show King Matthias' great services at the legislative definition of the Rusyns' privileges and rights, which exerted real influence upon the shaping of their national identity. The theme of King Matthias' love-affairs, known in the Slovak folklore, does not exist in the Rusyn tradition: the Rusyn convention shapes King Matthias into an exclusively charismatic personality of high moral standards. Thus, among the other Slav nations of the Hungarian kingdom in particular the Rusyns' folklore stands closest to that of Hungarians. However, in comparison with the Hungarian folklore one can point to its greater severity, corresponding to the natural conditions of Rusyns' place of abode. Furthermore, it is pervaded with elements of sorcery and superstitions, typical in general of the world view of the Rusyn common people.

King Matthias' figure had not become effaced from the Rusyn folklore even under the domination of the communist ideology, still the fact of his being a real, moreover highly considerable historical figure was in every possible way blurred out, and the history of his reign itself was concealed, especially its Rusyn connections. Today this folklore brings to us an invaluable culture property, the evidence of one of the most important periods of history of the Subcarpathian Rusyns and an excellent educational material for the young generation.

Key words: Hungarian kingdom, King Matthias Corvinus, Subcarpathian Rusyns, folklore, Slavs

Король Матяш нынешнему поколению русинов известен скорее не из истории, а лишь из народных преданий: как персонаж сказок и сказаний, баллад и анекдотов он продолжает жить в народной памяти многих славянских и неславянских народов, отечеством которых было венгерское королевство. Да в самом ли деле король Матяш был королем венгров и немцев, словаков и румын, сербов и русинов, и многих других народов, населявших венгерское королевство? Сказки, легенды, народные баллады почти каждого народа Дунайского бассейна хранят благодарную память о короле Матяше и свидетельствуют: да, в самом деле! Простые крестьяне, независимо от их культуры, родного языка,

вероисповедания, обычаев, не знакомые с языком политики, далекие от идей современных политиков и державотворцев, из поколения в поколение, через многие столетия, даже не осознавая это, принесли нам через свое устное творчество, через фольклор, через образ справедливого и мудрого короля Матяша добротную, жизнеспособную, надежную, доступную для восприятия, социально и национально приемлемую модель сосуществования. Ныне, когда мы стремимся построить новую единую Европу, пример королевства, созданного Матяшем, позволяет нам не только с надеждой смотреть в будущее, но и укрепляет нашу веру в достижимость нормального и благополучного сосуществования народов в многонациональном государственном или надгосударственном образовании. Этот пример указывает нам на важность честности, моральных основ, социальной справедливости, терпимости к другим вероисповеданиям, национальностям и обычаям, разумной организации хозяйства и налоговой политики, внешней безопасности. Даже современный мир с его многочисленными международными организациями, договорами и богатым опытом, может извлечь много полезных уроков из эпохи, отдаленной от нашего времени более чем на 500 лет!

Завещание короля Матяша, которое нам доступно в виде исторических документов и живых легенд, ценно не только этим своим политическим содержанием, даже напротив, в первую очередь — своим чрезвычайным социальным зарядом. В сказках, легендах, балладах справедливый правитель своими приговорами и приказами осуществляет то, что по душе простому народу. За строгостью Матяша легко угадывается строгий суд простонародья, а устами Матяша поправленный народ выносит приговор угнетающим его жестоким феодалам и мелким князькам, которые сами перед лицом строгого короля предстают не более чем жалкими слугами, обреченными на суд государя. Видимо, поэтому король Матяш приобрел такую популярность в фольклоре многих народов Дунайского бассейна, какой не удостоился ни один другой реально правивший государь. И несомненно, поэтому он в устах народа предстает перед нами не только как недоступная вельможная персона, а как нормальный человек, которому не чуждо и чувство юмора, который позволит пошутить над собой и бедовой крестьянской девушке, и мудрому простому землепашцу. Более того, справедливый Матяш в таких случаях признает, что эти люди превзошли его своей мудростью, за что он их тут же щедро вознаграждает.

В эпоху Матяша в Венгрию приходит Ренессанс с его культом свободы мысли, жаждой познания природы, познания человеком самого себя и своих прав, с коренными переменами нравов и обычаев. Сам Матяш был настоящим воплощением правителя эпохи Ренессанса. Родиной Ренессанса была Италия. Король Матяш собрал при своем дворе лучших ученых и мастеров искусств, писателей и историков своего времени. Среди них был и Антонио Бонфини, который впоследствии

стал придворным летописцем Матяша. При дворе Матяша был и Марцио Галеотто, писатель-гуманист, который посетил и описал много стран Европы. Писателю понравился Матяш, и так из-под его пера появились весьма живые анекдоты, в которых Матяш не только выступает как объект анекдота, но и сам шутит с вельможами и попами. Затем в Коложваре (ныне Клуж) местный саксонец Гашпар Хелтаи написал летопись, в которой мы находим множество преданий о Матяше, среди них и широко известное происшествие с коложварским старостой. Такова первая троица авторов, положивших начало теме короля Матяша в литературе. Из летописей Бонфини мы видим, что к королю действительно могли попасть и простолюдины, и нищие, и был он к ним милосерден и щедр. Уже эта троица авторов дала нам однозначное подтверждение реальной основы фольклора о короле Матяше.

Начиная с XVI в. постепенно все более идеализированный образ короля Матяша живет в народном устном творчестве. Наибольшую популярность приобретает тема Матяша с XVIII в., в эпоху просвещенного абсолютизма. Не только потому, что в этих произведениях добро побеждает зло, и зло несет заслуженное наказание, а добро вознаграждается, в чем мировоззрение простого народа находило точку соприкосновения с идеями просвещенных монархов. Видимо, немало важно и то, что, с одной стороны, Ренессанс периода правления Матяша служил хорошим и желанным уроком правителям эпохи Просвещения, который они с благодарностью воспринимали, а, с другой стороны, развитие народного образования, которое пришло вместе с эпохой Просвещения, еще больше расширило питательную среду для идей Просвещения и для темы Матяша в фольклоре.

С развитием системы образования образ короля Матяша в литературе и устном народном творчестве продолжает жить параллельно, и обе эти ипостаси взаимно влияют друг на друга. Иногда народная мудрость приобретает наиболее эффектное отражение именно в литературной форме, и часто, благодаря общеизвестности, в концентрированном виде становится пословицей, поговоркой. Например, притча «*Звездочет и осел*», не так часто встречается в устных преданиях, чаще в форме поговорки. Король как-то собрался прогуляться и спросил у придворного звездочета, каков прогноз погоды. Тот предсказывал ясную погоду. Случилось, что рядом был овчар, который, услышав их разговор, сказал: «Пожалуй, будет дождь, ибо осел мой орал, а это к дождю.» Король все же отправился гулять. Когда же он промок до нитки, то сказал в сердцах, что *звездочет осел, а осел звездочет*. Таким присловьем стали *матяшовы лодыри*, то есть такие лежебоки, лентяи, которым лень сделать даже для себя самое легкое дело. Так возникла поговорка «*была однажды в Буде собачья ярмарка*», что подразумевает везение, которое уже не повторится. Присказку «*при короле Матяше*», т.е. очень давно, мы находим и в фразеологии русинов восточной Словакии (ВН-IA 82).

С конца XIX в. темой короля Матяша в фольклоре занимаются уже и профессиональные этнографы. Первый вариант сказки о Матяше и Погань-девке записал Игнатий из Никловичей в Галиции, а напечатал Михаил Драгоманов (Малорусские народные предания и рассказы, Киев, 1886). Михаил Врабель в 1893 г. опубликовал три совсем краткие сказки без указания места записи и сказочника (ВМ). Затем Владимир Гнатюк опубликовал запись четырех сказок «про Матяша краля» из Ворочева, Убли и Улича на севере (ГВ-4, 1898) и трех сказок о Матяше из Бачки на юге Угорской Руси (ГВ-6, 1911). Экспедиции в Угорскую Русь разбудили большой интерес этнографов, историков научного общества имени Шевченко, в результате чего появилось обширное исследование Зенона Кузеля (КЗ 1905–1906). Вот как пишет Кузеля о короле Матяше уже в самом начале этой работы: «Его популярность в самом деле чрезвычайна: о нем знают не только Венгрия, его непосредственная родина, но и другие народы, которые населяют или населяли смежные территории. Сербо-хорваты воспевают его в своих эпических и лирических песнях, а словинцы окружили его таким ореолом героизма и таинственности, какой выпадает на долю разве что национальных героев. Слава его имени и подвигам пошла даже и на север и удержалась донныне в рассказах украинских горян угорской и галичской Руси. Воспоминания о Матвее сохранились также у словаков и положили начало балладе, которая разошлась по Моравии, Чехии и Лужицкой Сербии» (КЗ 67: 1).

Известно, что *характер сказок отражает и характер самого народа*. Уже Зенон Кузеля в упомянутой работе, более чем наполовину отведенной фольклору о Матяше у южных славян, замечает, что южные славяне имеют богатый героический эпос о короле Матяше, его военных подвигах и полном цикле его жизни. Такого нет даже у самих венгров. Ни словаки, ни русины в своей устной словесности практически не имеют темы военных подвигам Матяша. У южных славян, обреченных жить в зоне продолжающихся столетиями войн с турками, в результате этого и характер иной, и центральные темы фольклора иные. Едва ли можно найти лучшее подтверждение высказанному тезису о соответствии характера сказок и народа. Отличный знаток южнославянского героического эпоса, Августин Павел говорит, что в характере сербов всегда было воспевать всех без исключения своих национальных героев, а с тех пор как в конце XIV в. они попали под турецкое иго, «каждый герой и воевода, который сражался с Турками, становился национальным героем южных славян... так с триумфом побед вышли в их сердца и поэзию сначала Янош, а затем и Матяш Гуняди» (ПАГ 47).

Словацкий и русинский фольклор о Матяше близок и темами, и жанрами к фольклору венгерскому и, как упомянуто выше, не имеет в центре внимания бой с турками. Однако популярность Матяша у словаков тоже в определенной мере можно объяснить фактами истории

эпохи Матяша. Еще отец Матяша безрезультатно воевал с Яном Искрой, и только Матяшу удалось найти способ усмирения войска Искры в Горной Угрии и установить там спокойствие. Некоторые историки последовавшего времени, да и нынешние, любят представлять 20-летний период Искры как пробуждение национального самосознания словацкого народа и бой против мадьяр. Не только исторические факты, но и образ короля Матяша в словацком фольклоре вносят в такие утверждения решительную поправку. Вот как пишет об этом Зенон Кузеля: «У словаков король Матвей пользуется большой популярностью. Явление это настолько понятно, что не требуют пояснений. Матвей был им хорошо известен как их король и защитник. Городам он предоставлял льготы и содействовал словацкому народу. Говорил он хорошо по чешски и издавал грамоты на этом же языке.

Во время споров и войн с чешским по происхождению наместником в северной Угрии, Искрой, король умел завоевать привязанность народа и извлечь из нее пользу. Из событий завершительного периода войны видно, что крестьяне помогали королевским войскам и оказывали им важные услуги. Бонфини рассказывает, как крестьяне преследовали беглецов-искровцев... Простой народ не мог питать симпатии к Искре, и иначе оценивал его правление, чем нынешние историки, которые ему приписывают заслугу пробуждения „национального сознания словаков“. Только кое-кто из образованных слоев мог понять эту сторону его деятельности: селян отпугивал он от себя своими действиями, которые жестоко отражались на их шкуре. Все время своего „господствования“ Искра вел войны. Край был весь опустошен и при этом не только чужими людьми, но и своими. Войско Искры было непомерно велико и не раз позволяло себе разбои и грабежи бедного народа... Народ испытал на себе хозяйствование Искры, и поэтому с радостью приветствовал угорские войска и с благодарностью вспоминал своего короля, который его освободил из неопределенного положения.

Свою популярность Матвей заслужил и лично, пребывая часто между словаками. Благодаря своему человеческому характеру он умел объединять людей, которые тем более привязывались к своему королю, что слышали из его уст свой родной язык. Память о нем сохранилась донине во множестве местных сказов...» (КЗ 70: 104–105). Словацкий фольклор о Матяше зародился очень давно, в XVI в. И в словацкой литературе король представлен с симпатией.

Память подкарпатских русинов сохранила образ Матяша более всего за его справедливость, защиту простого народа от самоуправства феодалов, создание благоприятных условий для ведения хозяйства, что является общим мотивом и у словаков, и у венгров, но также и за определение русинов как отдельной народности и предоставление им привилегий, что на протяжении почти двухсот лет играло роль в их законодательно-хозяйственной защите и оказало влияние на формиро-

вание их национального сознания. Исключительно глубоко изучил связь «Матяш — русины» Евгений Перфецкий, который в двух исследованиях занимается как фольклором (ПЕМК), так и историческим фоном эпохи Матяша (ПЕПР), особенно эта последняя его работа в высшей мере может служить образцом. Сильной стороной его как историка является то, что свои взгляды на историю эпохи Матяша он основывает на анализе социально-хозяйственных условий, подобно тому, как это делает Антоний Годинка. Перфецкий приходит в обеих работах к важному и однозначному выводу: *«Русинское население боролось за свое социально-хозяйственное положение, поддерживаемое в этой борьбе защитником своим — королем Матяшем Корвиным — даже не всегда осознавая, что этим самым борется оно и за свою национальную самостоятельность, и что сохранению этой русинской национальной самобытности более всего помог в тот период сам венгерский король Матяш Корвин»* (ПЕМК, 8).

Большинство исследователей (Кузеля, Криза, Павел, Перфецкий), анализируя отдельные композиционные элементы фольклора о Матяше, такие как полет короны, расцветание стрекала, обед на железном столе и т.п., обращают внимание на то, что элементы эти можно видеть и в фольклоре многих других народов, без связи с Матяшем, да и более того: часть из них обнаруживается даже в библии и более поздних апокрифах. Однако намного интереснее для нас определить подкарпатские характерные черты фольклора о Матяше, которые пропадают, стусеваются или совсем отсутствуют за пределами Подкарпатья. Евгению Перфецкому встретилась подкарпатская рукопись со следующим текстом: *«Едно то нехвално, же (король Матвій) велику ласку оу женахъ гледаль»*. Это заинтересовало исследователя и побудило его к сравнению, как эта тема представлена у подкарпатских русинов и других славян. В результате он обнаруживает важную особенность подкарпатского фольклора: *«Интересно, что в то время как в устной традиции других народов Матяш Корвин очень часто замешан во всяческие любовные приключения, русинская традиция такого мотива о Матяше Корвине избегает... Матяш Корвин в русинской традиции представлен исключительно как личность высоконравственная, с абсолютно благородным характером»* (ПЕМК 47). Сравнивая местный и галичский варианты сказки о Погань-девке, Е. Перфецкий отмечает, что в местном варианте названы реально существующие объекты, реальные топонимы сел, городов, лесов и гор, тогда как в галичском варианте (в записи Гнатюка) они либо совсем отсутствуют, либо приобретают обобщенный характер: замок Камяница — Каменный замок (ПЕМК 11). Интересно, что располагая далеко не полным материалом (лишь записями Игнатия из Никловичей, М. Врabeля, В. Гнатюка и собственными), тем не менее, Перфецкий приходит к таким правильным выводам, которые можно подтвердить и на значительно более широком материале. Гнатюк и Перфецкий, которые собирали материал в экспеди-

циях, конечно же, не могли достигнуть полностью надежного результата. Значительно более богатый, обильный материал собрал местный подкарпатский фольклорист *Петр Линтур*, который на основе этого указывает на ошибочное заключение Перфецкого: «Перфецкий утверждает, что ужанский комитат был главным местом зарождения угро-русских преданий о короле Матвее, что отсюда они перешли в соседний земплинский комитат и в закарпатскую Галицию, и что в других комитатах мы их не встречаем. А между тем мне удалось с помощью учеников хустской гимназии собрать большое количество народных повествований о Матяше, топографически связанных с Мараморошем, а отчасти с угочанским комитатом... Вместе я собрал в комитатах Мараморош и Угоча два десятка повествований о Матвее Корвине... Несомненно, и в других комитатах, заселенных угро-русским народом, нашлось бы еще много других, с другими мотивами, преданий о Матвее Корвине» (ЛП 125, 134). Петр Линтур говорит, что наряду с теми повествованиями, которые возникли в Подкарпатье, в русинскую устную традицию проникали и общеизвестные повествования о Матяше из Венгерской Низменности, и дает объяснение, как это происходило: «путем продолжавшейся столетиями совместной жизни двух народов (летние работы верховинцев на Венгерской Низменности, сплав леса по Тисе и т. д.), путем литературного влияния, посредством школы и т. д.» Нельзя не согласиться с заключением фольклориста об этих преданиях, что «настроение и дух их сближает с подобными повествованиями венгерской редакции» (ЛП 131).

Говоря о характерных признаках подкарпатских русинских сказок, хороший знаток этой темы академик Дюла Ортутай называет следующие три: *элементы колдовства и мира суеверий, большая суровость, немногословность*. Подкарпатские русины обогатили мир легенд о Матяше и чисто своими, неповторимыми мотивами, которые мы не встретим у других народов Дунайского бассейна. Например, в сказке о Погань-девке мы видим не привычный образ короля, переодетого простолюдином и странствующего по стране, не мудрого короля, даже не короля, который не прочь пошутить, и не короля, сражающегося с врагом на поле боя: тут Матяш на волшебном крылатом буцефале, «*матюше*», преследует неприятеля, который предстает в образе ведьмы, Погань-девки. Так мир легенд о Матяше переплетается с фантастическими представлениями и суевериями, характерными для русинского фольклора, более того — оставившими глубокие следы в подкарпатской литературе. В сказке «*Матяшовка*» клад, спрятанный королем Матяшем, охраняет леший, поэтому и поныне клад невозможно найти. Другой подобной оригинальной сказкой, где мы встречаемся с миром суеверий, является русинская сказка о попе, которому надоел белый хлеб. Венгерский вариант этой сказки записал со слов Мигалья Капитаня Дюла Ортутай (ОДРКН 42–43), и он пишет, что тут дословно повторяется русинский вариант, и приводит его в качестве еще одного

примера проникновения колдовского мира суеверий в крестьянскую сказку. Нетрудно видеть, что сказки об Иисусе Христе и святом Петре своей социальной ориентацией во многом напоминают сказки о короле Матяше. Упомянутая сказка служит прекрасной иллюстрацией сказанному.

И в сказках, которые имеют совершенно близкие аналоги из других регионов, иногда отражаются подкарпатские особенности. В сказке «*Как Матяш рубил дрова*», записанной Шандором Бонкало у русинского сказочника из Земплина (ОДРКН 33), нам знакомо каждое слово. Однако атмосфера здесь значительно суровее, резче: в вариантах с венгерских территорий король сменяет гнев на милость и дарует жизнь старосте, который обещает стать человечнее. Здесь же конец суровее, как суровее природа и условия жизни в Подкарпатье. Интересно, что в этой же сказке, записанной Гнатюком в Коцуре (Бачка, 1897), Матяш приказывает старосту и нотариуса повесить (ГВ-6, 192). К тому времени прошло 150 лет от переселения тамошних русинов из Подкарпатя в Бачку, в край с благоприятными природными условиями, однако не обнаруживается, чтобы это существенно повлияло на характер сказки. Эту особенность мы можем наблюдать не только сравнивая венгерскую сказку с русинской. В сказке «*Матяш и пьяница Юра*», записанной в Изе около Хуста (ЛП, 154–155; ЛНК, 105–107), можно уловить несколько пренебрежительное отношение жителя долин к горянам-верховинцам. И Александр Митрак в своих «Путевых впечатлениях на Верховине» писал: «Верховина — отдельный, особый край... повсюду особые, отличительные черты на лице и человека, и природы... Я повсюду встречался с грозными, мрачными лицами верховинцев».

Сказки, записанные Шандором Бонкало, в самом деле, по сравнению с вариантами с венгерских территорий немногословны. Однако, это скорее зависит от образования сказочника. Например, сказки, записанные Петром Линтуром у Василя Короловича, железнодорожника, который получил сравнительно хорошее образование, уже никак мы не можем назвать немногословными.

Евгений Перфецкий и Илдико Криза как особенность подкарпатского фольклора о Матяше отмечают то, что *подкарпаторусинская устная традиция превращает героя (Матяша Корвина, Павла Кинижи) в человека своей веры и совершенно национализирует его, желая видеть в нем русина, своего брата*.

Сказки и предания о Матяше в большинстве случаев имеют реальную подоплеку, исторический фон. Однако в фольклоре он может быть трансформирован и деформирован, может быть нарушена хронология и т.п. Например, в сказке о Матяше и Погань-девке (ГВ-4, 171–173) говорится: «Когда Погань-девка жила в камяницком замке, не сладко было людям на свете. Когда строили замок, каждая хозяйка должна была туда носить молоко и куриные яйца, из них делали штукатурку. И стены строений из них же клали вместо извести, песка и воды. Даже из

самого Ворочева носили. Когда мадьяры из Азии пришли, они нашли уже замок пустым, и отремонтировали его». Значит, Погань-девка господствовала до прихода мадьяр. А затем опять она же появляется в эпоху Матяша. В другом варианте этой сказки перед Матяшем царствовал Франц-Иосиф. Исторические реалии часто переходят в предания в интегрированном виде, при этом в один образ воплощаются несколько реальных событий или лиц. Не напоминает ли нам процитованное начало сказки произведение Александра Павловича «Когда возводили белокаменную Маковицу», или предания о том, что замок Мукачево обязан своим названием тем огромным мучениям, которыми сопровождалась его постройка? И тем не менее, для образа Погань-девки существуют вероятные и протовариант, и реальный исторический фон. Тивадар Ортутай вспоминает предание из летописи о том, что замок построила «Золотая Дева» еще до прихода мадьяр (ОТ, 54). Возможно это и была первоначальная форма сказки, которая с течением времени приобрела новое, расширенное содержание. Вместе с воцарившимся на трон в 1308 г. королем из династии Анжу Робертом Карлом в страну приезжает семья графа Другета из Италии, родовое поместье которой устраивается в Гуменном, вследствие чего род получает прозвище Гомоннай, от венгерского названия этого села. Роду Гомоннаев Другетов принадлежал и Невицкий замок. В исторических памятниках упоминание об этом замке опять появляется в 1600 г., когда он принадлежал Дьердю Другету II, сыну Ференца Другета, главы комитата Унг. Около 1580 г. владелец замка женится на Фрузине Доци. В 1584 г. Дьердем Другетом II овладевает модная в те времена страсть путем войны расширять свои владения. Он нападает на собственного отца, чтобы забрать у него замок Требишов. За это скоро последовала расплата: в 1591 г. он скоропостижно умирает и оставляет в Невицком замке вдову Фрузину с девятилетним сыном Дьердем III и двухлетней дочкой Марией. Фрузина Доци вечно вела тяжбу с родственниками: Иштваном и Гашпаром Гомоннаями и другими. Кончилось тем, что в 1600 г., Балинт Гомоннай с тремя тысячами людей подошел под стены Невицкого замка и подверг его решительному штурму. Мужественная вдова с двумя детьми стойко оборонялась, и вряд ли он бы чего либо смог добиться, если бы не разрушил каналы, по которым замок снабжался водой. Фрузина была вынуждена сдаться насильнику и открыть ворота. Изгнанная из законного владения вдова, скрываясь, лесами, тропами, с двумя детьми пробиралась в Польшу. Корни растений, ягоды были их единственной пищей, позволившей остаться в живых. Ночевать приходилось — как опишет потом сын — в хлебах, вместе со скотом. После продолжительных скитаний физически и душевно изнуренные дошли они до Польши. Два года вдова добивалась у короля справедливости, пока наконец король разрешил Дьердю Другету III вернуться домой на 6 месяцев, чтобы уладить дела. Королю настолько понравился к тому времени двадцатилетний уже

граф, что он пожаловал ему милость, вернул ему Невицкий замок и назначил его главой комитата Унг. Такова реальная история, о которой поведал нам известный историк Игнац Ачади, и кто не согласится, что в истории этой довольно многое напоминает нам сюжет сказки о Матяше и Погань-девке! Сказка могла родиться через полтора столетия после этого события, как раз в эпоху Просвещения, когда популярность короля Матяша в фольклоре достигла апогея.

Известны сказки о Матяше из Буковины. Как они там появились? При Людовике Великом (1326–1342–1382) Буковина входила в состав Венгерского королевства. Древнее население Буковины было русинское, о чем свидетельствуют убедительнее всего названия рек, гор, селений. Само слово *Буковина* означает не что иное, как буковый лес. Существует предание, согласно которому воевода Иштван примерно 550 лет назад, именно в эпоху правления рода Гуняди, с помощью 20 000 пленных засадил весь этот край буковым лесом (ШЕА 11). При Марии-Терезии (1717–1741–1780) много репрессированных секелей из Трансильвании бежали на Буковину и там основали 5 венгерских сел в зоне 20–50 км на юг от Черновиц. Весной 1940 г. Советы ворвались в северную часть Буковины, заняли Черновцы. Венгерские села не попали под советскую власть, остались на румынской части Буковины. В 1941 г. основная часть венгерского населения переселилась по оптации в Бачку, но и оттуда в 1944 г. была изгнана сербскими партизанами и рассеялась по Венгрии (ШЕА 125–127, 134). Язык секелей, как трансильванских, так и буковинских, содержит много таких русинских и украинских элементов, каких нет в других венгерских диалектах. В сказках о Матяше, записанных у секелей, живущих в диаспоре, отлично и в большом количестве сохранились эти русинские элементы.

С приходом советской власти подкарпатские русины и их фольклор вынуждены были придерживаться новой ориентации. Дух того времени отчетливо ощущается и в послесловии к одному сборнику сказок, опубликованному в не так уж далеком 1984 г. «Господствующие слои Австро-Венгрии выдвинули теорию о „рутенском народе“, который проживает на Закарпатье и будто бы ничего общего не имеет ни с украинским, ни с русским народами. Буржуазные историки, филологи, этнографы, вроде Бонкало, Годинки, Стрипского, Чопея, из кожи вон лезли, чтоб „доказать“ самостоятельное существование „рутенской“ культуры, не похожей ни на украинскую, ни на русскую. У сомнительных лиц они записывали песни, сказки, пословицы, которые ни языком, ни содержанием не отвечали настоящим образцам устного народного творчества трудящихся Закарпатья. За двадцатилетний период господства на Закарпатье буржуазной Чехословакии не вышло в свет ни одного научного издания народных сказок... мы обратили внимание на публикацию в коммунистической периодике народных сказок. В первом номере „Карпатской правды“ за 1926 год была напе-

чатана „Сказка о Ленине“. Это интерпретация русской сказки „Скоро проснется Ильич“ (ЗК, 498–490)».

Королю Матяшу повезло больше, чем русинам: не планировалось, что он должен совсем исчезнуть, ибо он был весьма подходящим, чтобы проиллюстрировать, как жестоко феодалы эксплуатировали простой народ. Однако, он должен был утратить характер реального исторического лица, тем более, венгерского короля. И опять Матяшу повезло, потому что русинская фольклорная традиция в максимальной степени представляет его как русина. Несмотря на все это, сказки о короле Матяше, ни в коей мере не входили в круг желанных тем, если и появлялись они время от времени в публикациях — то это лишь вершина айсберга, большая часть их просто не пробилась сквозь цензуру. В сборнике, из которого взята приведенная цитата, составитель упоминает, что он записал сказки и сообщения о Матяше также от Василия Феера (1896–1977) из Рахова, Юрия Юрковича (р. 1887) из Сельца, Василия Зайца (1900–1977) из Черного Потока. Однако для этих записей не нашлось места в книге: на 527 страницах помещены только две сказки о Матяше.

Хоть сказки о короле Матяше проникли и за границы исторической Венгрии, там в них обычно имя Матяша утрачено, ибо за ним в народной памяти не стоит реальный исторический фон (вспомним при этом, что и Е. Перфецкий обратил внимание на утрату топонимов при переходе сказок за Карпаты). Например, сказка «Козлы», записанная Михаилом Ивасюком у О. Ивасюк в Кицмани на Буковине (КБ-КВ 30–32) близка сюжетом подкарпатской сказке «Как крестьянин козлов доил» (ТЗС 226–228), но на месте короля Матяша уже безымянный царь. Илдико Криза, которая подробно исследовала вопрос аналогий и нашла их в украинском и литовском фольклоре, предполагает, что мотив доения козлов – исключительно венгерская особенность: в украинских и литовских сказках вместо этого ошипывают кур (КІ-99, 182–183). Буковинская сказка «Козлы» свидетельствует о том, что мотив доения козлов проник и за более широкие границы. Петр Линтур указывает и на чисто подкарпатский вариант мотива: «здоити трех баранув» (ЛП, 131).

Среди сказок из Покутья есть интересная сказка «Как Гуцул надавал императору по мордам», записанная Михаилом Ивасюком у М. Ткачука в селе Перерыв у Коломыи (КК 358–361). Императору хочется узнать, как поживают его подданные. Он переодевается простым солдатом Юзькой и отправляется служить в казарму. Здесь он заводит дружбу с гуцулом и, случается, получает у него и по мордам. Однажды попадают они с гуцулом в руки разбойников, которые собираются их убить. Спасаясь бегством, Юзька садится на украденного у разбойников коня, и забывает о гуцуле, которого спасают лишь его длинные ноги. Рассерженный гуцул идет жаловаться императору. Император угостил его и говорит: передохни, а потом выходи к моим солдатам,

может опознаешь среди них этого Юзьку. Сам же переоделся опять Юзькой и встал в строй. Гуцул, опознав Юзьку, набросился на него и надавал ему по мордам. Солдаты скрутили гуцула. А император снова переоделся императором, и привели к нему гуцула. Гуцул встал по стойке смирно и отдал честь. Император назначает гуцула своим министром, т.е. по обычаю Матяша признает свою ошибку и справедливо вознаграждает подданного. Сюжет сказки от начала до конца типичен для сказок о Матяше, однако и тут на месте короля Матяша безымянный император, т.е. не реальная историческая фигура.

Как исключение, встречаются и на Подкарпатье сказки с сюжетом, типичным для сказок о Матяше, в которых Матяш явно не назван. Например, к таким можно отнести сказку «*Чтобы ты ни делал, всегда думай о конце*» (ГВ-3, 170–171; КК 381–382).

Сказки, шутки, предания с темой короля Матяша представляют для подкарпатских русинов и ценность художественную, как прекрасный эталон их фольклора, и воспитательную, как отличные сказки нравственной и гуманистической тематики, но велика и их историческая ценность, ибо они имеют реальную историческую основу. В совокупности это превосходный материал в руках учителя, родителя, воспитателя, каким по праву можно гордиться и на основе которого можно пробудить или оживить в детях любовь к своему краю, народу, к своей истории. Ныне, в период исторических перемен — когда повсюду мы видим повышенный интерес каждого народа к своей истории, поиск своего места и своей ориентации в меняющемся мире, иногда, увы, малоуспешный, переходящий в результате этого в уродливые формы агрессивного национализма или, наоборот, недооценки своей национальной культуры и бездумной американизации — подкарпатские русины в зеркале своей истории, культуры, мировоззрения, привитых уже в эпоху правления рода Хуняди, могут найти убедительное подтверждение своей принадлежности к многонациональной Европе, инспирацию для своей ориентации и будущего.

Литература

- ВМ — *Vrabel Mihály*, Ruthén népmondák Mátyás királyról: Ethnographia 1893, 160.
 ВН-ІА — *Надія Вархол, Анатолій Івченко*, Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, відділ української літератури в Пряшеві, 1990. 82.
 ГВ-3, 4, 6 — *Володимир Гнатюк*, Етнографічні матеріали з Угорської Русі, III. Львів 1896; IV. Львів 1898; VI. Львів 1911. 191–194 (Наукове товариство ім. Шевченка).
 ЗК — Зачаровані казкою. Зобрав *Петро Лінтур*. Ужгород 1984.
 КБ-КВ — Казки Буковини. Казки Верховини. Ред. *В. Басараб, П. Скунець*. Ужгород 1968.
 КЗ — *Зенон Кузеля*, Угорський король Матвій Корвін в славянській устній словесності. Розбір мотивів, зв'язаних з його іменем: Записки наукового товариства ім. Шевченка 67 (1905)–70 (1906).
 КІ-99 — *Kriza Ildikó*, Mesék és mondák Mátyás királyról. Budapest 1999.
 КК — Казки Карпат. Українські народні казки. Упорядкував *І. Хланта*. Ужгород 1989.

- ЛНК — Легенди нашого краю. Редактор *П. Скунець*. Ужгород 1972.
- ЛП — *П. Линтурь*, Король Матвѣй-Корвинъ въ угро-русской народной традиции: Народна Школа. Журналъ учительского Товарищества Карпатского Края. Унгварь. *Студія*: Мартъ. 1940/41. № 7. 124–134. *Тексты*: Апрель. 1940/41. № 8. 150–156.
- МА — *Олександр Митрак*, Путевые впечатления на Верховине. In: На Верховині, збірник творів письменників дорадянського Закарпаття, упоряд. *О. Мишианич*. Ужгород 1984. 231, 233.
- ОДРКН — *ORTUTAY Gyula*, Rákóczi két népe. Budapest 1939 (Magyarok könyvtára).
- ОДРМК — *ORTUTAY Gyula*, Ruszin-magyar kapcsolatok a népköltészetben: Ungvár és Ung vármegye (Ungvár és Ung vármegye közséjei), szerk. *CSIKVÁRI Antal*. Budapest 1940. 119–129.
- ОТ — *ORTVAY Tivadar*: Cseh világ a Kárpátokban. Ungvár 1941. 54–59.
- ПАГ — *PÁVEL Ágoston*, A Hunyadiak a délszláv népköltészetben: Pável Ágoston válogatott tanulmányai és cikkei. Szombathely 1976. 46–58.
- ПЕМК — *Eugen PERFECKIJ*, Podkarpatské a haličskoruské tradice o králi Matyášovi Corvinovi. V Bratislavě, 1926. In: Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě. Ročník IV. Číslo 42. (4.)
- ПЕПР — *Eugen PERFECKIJ*, Podkarpatská Rus ve století XIII.–XV. Edice Podkarpatská Rus, 10. svazek, red. Jaromír HOŘEC. Praha 1995. 15–21, 33–41.
- ТЗС — Три золоті слова. Ред. *Петро Линтур*. Ужгород 1968.
- ШЕА — *SEBESTYÉN Ádám*, A bukovinai székelység tegnap és ma. Szekszárd 1989.

Дополнительная литература

- Вархол Н., Вархол Й.* Матвій Корвін та «Погань-дівча» в усній народній творчості уличсько-ублянської долини: *Slavica* 22 (Debrecen 1986) 45–53.
- KRÍZA Ildikó*, Ruszin-magyar folklorkapcsolatok (A kárpátaljai néphagyomány Mátyás királyról): Tanulmányok a magyarországi bolgár, görög, lengyel, örmény, ruszin nemzetiség néprajzából, 2. Budapest 1998. 130–140.
- A hétországi király. Beregújfalui népmesék. Gyűjtötte *PUNYKÓ Mária*, szerk. *DUPKA György*. Ungvár 1993.
- Tűzoltó nagymadár. Beregújfalu népmesék és mondák. *PENCKÓFER PUNYKÓ Mária* gyűjtése. Budapest–Beregszász 21995.
- SZÉMÁN István*, Mátyás király a magyarországi ruthén népmondában: *Ethnographia* 1911. 236–239.
- Утцюзна. Читанка про недільні школи. Ред. *Ігорь Керча*. Budapest: Józsefvárosi Ruszin Kisebbségi Önkormányzat, 2001. 90–91, 114–117.
- UJVÁRY Zoltán*, Mátyás király Gömörben. Debrecen 1990.
- Ян Гриб, Михайло Гиряк*, Читанка з русинського языка про 4. класу ОШ з навчанєм русинського языка. Русинська оброда, в Пряшові, 2000. 58–59.